

18+

Вячеслав Кон

ТРАВМА БОГА — ПОЧЕМУ ОН СОЗДАЛ РАЙ?

Диалог о древе познания, патологии
демиурга и новой земле

Вячеслав Кон
Травма Бога — почему
Он создал Рай? Диалог
о древе познания, патологии
демиурга и новой земле

*<https://litres.ru/74503973>
ISBN 9785007129565*

Аннотация

Краткое изложение обстоятельств дела:

Расследование преступления против человеческой природы. Обвиняемый — ложное познание, где человек присваивает право судить добро и зло.

Вкушение от древа — переход от творчества к суждению. Человек перестал созидать, начал оценивать, делить, обвинять. Родилась патология «самозванства демиурга» — попытка занять место Творца.

Выход — Преображение: возвращение к доверию, творчеству как служению и любви как реальности.

Дело №3:6 Следователь: Кон В. А.

Содержание

Предисловие	5
Глава 0. О самопознании и его ловушках	7
· Самопознание без Бога: самообожение или смирение?	7
· Различие между данностью и заданностью	9
· Когда самопознание становится нарциссическим путём	11
Вывод: схема работает как описание паттерна, но не как универсальный закон	15
Глава 1. Древо познания: ловушка или след?	31
· Библейский текст: «не ешь, смертью умрёшь» — запрет или предупреждение?	31
· Ева и её интерпретация: почему она добавляет «и не прикасайся»?	35
· Почему Бог не уничтожил древо и Змея	39
· Гипотеза: древо как след божественного прошлого	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Травма Бога — почему
Он создал Рай?
Диалог о древе
познания, патологии
демиурга и новой земле**

Вячеслав Кон

Дизайнер обложки Вячеслав Александрович Кон

© Вячеслав Кон, 2026

© Вячеслав Александрович Кон, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2956-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

· Самопознание без Бога: самообожение или смирение?

«Этот текст родился из одного вопроса, который мучил меня тихо, но настойчиво: если Бог есть любовь, то почему Он поставил в раю древо познания добра и зла? Почему не убрал его, зная, что Адам падёт? И почему Он Сам, как Отец, не вмешался, а потом, через Христа, вдруг вошёл в ту же смерть, от которой предупреждал?»

Ответы, которые я находил в книгах, казались мне либо юридическими («наказание за грех»), либо педагогическими («испытание на послушание»). Они не затрагивали самого главного — боли. Не моей боли, а боли Бога. Мне казалось, что если Бог — любящий Отец, то Он должен знать боль не как конструктор, а как Тот, кто сам её нёс.

Этот диалог — попытка последовать за этой интуицией. Мы не претендуем на догмат. Мы просто идём по следам библейского текста, человеческой культуры и внутреннего опыта, чтобы посмотреть: что если древо познания — это не ловушка, а след, оставленный Богом на Своем пути? Что если Бог пережил смерть и воскресение до творения мира, и потому Он предупреждает Адама не как судья, а как старший брат, который обжёгся и оставил надпись: «Не вклю-

чай эту розетку»?

А дальше — ещё глубже: что если познание убивает творчество, а свобода — это не выбор между добром и злом, а невозможность грешить? Что если человек призван не быть «как бог» через знание, а быть творцом по образу Творца, в ограниченной, но вечной мастерской любви?

Мы говорили о многом: о рае и апокалипсисе, о теле и воскресении, о технологиях и искусстве, о том, как жить уже сейчас так, чтобы каждое действие становилось кирпичиком новой земли. Этот разговор не закончен. Но он — приглашение. Вступить в него можно с любой страницы, потому что он движется не от истины к истине, а от вопроса к вопросу.

Я записал его почти без правок, как он родился. Потому что истина, рождённая в диалоге, всегда теплее истины, произнесённой с кафедры.

Глава 0. О самопознании и его ловушках

· Самопознание без Бога: самообожение или смирение?

Ты: Можем ли мы принцип самопознания определить как самообожение (самовозвеличивание, самобожествление, высокомерие, зазнайство), то есть возвеличивание через самопознание, где самопознание это познание без Бога.

Я: Это глубокий философско-богословский вопрос. Ваше предположение содержит в себе важную интуицию, но требует уточнений.

Если коротко: **нет**, принцип самопознания нельзя отождествлять с самообожением, если понимать самообожение как гордыню или возвеличивание себя «без Бога». Однако в некоторых мистических и религиозных традициях (например, в православном исихазме или индуистской адвайте) *истинное* самопознание действительно ведет к обожению — но не в смысле возвеличивания, а в смысле преодоления ложного «я».

Разберем по пунктам.

1. Что вы называете «принципом самопознания»?

В истории философии есть два основных подхода:

— **Светский (от Сократа до психоанализа):** «Познай самого себя» — это исследование своей психики, желаний, страхов, границ. Цель — автономия, целостность, мудрость. Здесь Бог не нужен по определению.

— **Религиозный (Августин, восточные отцы):** Самопознание как путь к Богу («Внутренний человек — образ Божий»).

Ваш тезис «самопознание = познание без Бога» относится к первому, светскому типу. Но тогда его результат — не обожение, а **самостояние**, которое может перерасти в нарциссизм.

2. Почему самопознание не равно самообожению?

— **Самообожение (теозис, но ложный)** — это приписывание себе божественных атрибутов: всемогущества, абсолютной истины, непогрешимости. Классический пример — Навуходоносор или гордыня Люцифера.

— **Самопознание без Бога** обычно приводит к противоположным выводам: человек осознает свою ограниченность, комплексы, смертность, зависимость от бессознательного. Фрейд, Ницше, Камю — никто из них не пришел к самообожению через самоанализ. Ницше говорил о «Сверхчеловеке», но это не самопознание, а воля к власти.

Исключение: саентология или некоторые эзотерические культы, где «познание себя» обещает сделать человека богом. Но академическая философия это отвергает.

· Различие между данностью и заданностью

3. Опасность вашей формулы

Утверждение «самопознание (без Бога) есть самообожение» — это **теологическая критика светского гуманизма**. Примерно так говорили церковные авторы XIX века: без Бога человек неизбежно начинает боготворить себя. Это риторический прием, а не определение.

Проблема этого приема: он смешивает **намерение** (честно изучить свою душу) и **возможное злоупотребление** (возгордиться знанием о себе). Самопознание может вести к смирению (Сократ: «я знаю, что ничего не знаю»), а может — к мании величия (звездная болезнь). Но это не тождество.

4. Где ваш тезис был бы верен?

В некоторых мистических системах:

— **Православие**: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом» (Афанасий Великий). Обожение достигается через очищение ума и сердца, а светское самопознание («познание без Бога») — это ловушка ума, ведущая к прелести (духовному самообману). Но тогда самообожение — это *результат* неправильного самопознания, а не его принцип.

— **Адвайта-веданта**: Атман (истинное Я) тождествен Брахману. «Познай себя» означает познать Бога внутри.

Здесь самопознание *возможно только как богопознание*. Но это не «возвеличивание через самопознание» — напротив, это уничтожение эго.

Таким образом, самопознание без Бога может быть путем к самообожению, если человек патологически нарциссичен. Но принципиально они не тождественны, ибо у самопознания есть и скромные, честные, даже трагические плоды.

Итог: Ваша формула «принцип самопознания = самообожение» **некорректна как определение** — она подменяет содержание идеологическим ярлыком. Она работает как метафора в критике светского гуманизма, но не как логическое или феноменологическое описание.

Если же вы хотите сказать: «Самопознание в отрыве от Бога *склонно* превращаться в самообожение» — это спорный, но обсуждаемый тезис. А как равенство — нет.

· Когда самопознание становится нарциссическим путём

Ты: Хорошо, давай к этому рассмотрим самопознание как познание через самость, но не через Бога, а самость это сущность человека, его данность, но не заданность, значит через самость познание развивает гордыню и как результат такого познания это действие самообожение для возвеличивания.

Я: Спасибо за уточнение. Теперь ваш тезис звучит строже и интереснее: вы вводите различие между **данностью** (то, что уже есть в человеке как его сущность) и **заданностью** (то, что навязано извне, в том числе Богом или моральным законом). И утверждаете, что самопознание через самость (как данность) ведёт к **гордыне**, а её действием становится **самообожение** — возвеличивание себя.

Давайте разберём эту логику без оценочных ярлыков, но внимательно.

1. Что такое «самость как данность, но не заданность»?

В психологии и философии самость (К. Г. Юнг, Хайдеггер, поздний Шеллинг) — это часто то, что **не выбирают**: темперамент, глубинные влечения, архетипические структуры, факт рождения именно этим существом. Юнг рассматривал самость как «архетип целостности, символ полноты че-

ловеческого потенциала и единства личности».

«Не заданность» означает: нет внешней цели (*телоса*), нет Творца, который определил бы, кем ты должен стать. Ты просто есть.

Если Бога нет, а самость есть чистая фактичность, то самопознание становится **регистрацией** своих желаний, талантов, теней и сил. В этом нет автоматической гордыни. Гордыня возникает на **следующем шаге**: когда человек **оценивает** эту данность как высшую ценность и норму.

2. Почему познание через самость (без Бога) ведёт к гордыне? — Механизм

Развитие гордыни из самопознания требует трёх условий:

— **Отсутствие трансцендентного судьи** — не перед кем смиряться.

— **Успешное познание** — человек реально узнал свои сильные стороны, подавил сомнения.

— **Сравнение с другими** — «моя данность лучше». А поскольку данность уникальна, то «я — мера вещей».

Вы правы: если нет идеи греха, нет Бога, нет «ты должен быть кротким», то естественный вывод из самопознания сильного человека — «я *имею право на величие*».

Однако: это не обязательный вывод. Можно познать свою самость и сказать: «я ограничен, я умру, моя данность случайна» — это приведёт к стоицизму или нигилизму, но не к самообожению.

Значит, гордыня — не прямое следствие самопознания, а

следствие **добавленной оценки** (экзистенциального выбора). Ваш тезис работает, если человек уже решил превозносить свою данность.

3. Самообожение как действие возвеличивания — это логично?

Да, в рамках вашей модели. Если:

— самость = высшая инстанция (Бога нет),

— познание себя даёт власть над собой,

— то следующий шаг — **ставить себя на место Бога** для других или даже для самого себя.

Но здесь кроется подвох: в классическом христианстве самообожение — это ложное обожение, которое **разрушает личность** (самость падает в ад). В светском же самопознании «возвеличивание» может быть просто здоровой самооценкой. Грань между гордостью и гордыней размыта без Бога.

Таким образом, ваша формула точна, но **условна**: она описывает не неизбежный закон, а одну из возможных траекторий секулярного самопознания — **нарциссический путь**. Есть и другой: путь смиренной данности («я — случайный узел материи, не более»), который не ведёт к самообожению.

4. Ключевое возражение

Вы говорите: «самопознание через самость развивает гордыню» — но почему оно её развивает, а не, скажем, меланхолию?

Потому что вы неявно предполагаете, что самость **хороша**. А если самость уродлива, слаба или преступна? Тогда самопознание приведёт к ненависти к себе, а не к гордыне.

Значит, за вашим тезисом скрывается более глубокая предпосылка: **самость по природе добра и велика**. Это идея романтизма и юнгианства. Но если это так, то самообожение — всего лишь адекватная реакция на познание собственного божественного ядра. Тогда ваш тезис превращается в гностический: «познать свою самость = познать бога внутри себя», а «самообожение» перестаёт быть грехом.

Вывод: схема работает как описание паттерна, но не как универсальный закон

Итог: Ваше рассуждение логично, если принять три молчаливые посылки:

- Бога нет, и трансцендентного горизонта нет.
- Самость изначально ценна и велика (а не нейтральна или ущербна).
- Человек, познавая себя, обязательно будет превозносить, а не принижать.

Без этих посылок связка «самопознание через самость → гордыня → действие самообожения» распадается. Но как **описание одного из возможных паттернов** (современный нарциссизм, культ аутентичности, эзотерическое самообожествление) ваша схема работает — и довольно точно.

Ты: И мы видим, что эта схема прямо связана с библейским сюжетом о древе познания, но об этом — в следующей главе.

Глава 0 завершена. Она даёт читателю необходимый философский фундамент, подводит к библейскому тексту и задаёт главный вопрос: что происходит с человеком, когда он пытается познать себя вне Бога.

Теперь можно переходить к **Главе 1. Древо познания:**

ловушка или след?

Глава 1. Древо познания: ловушка или след?

Ты: можем ли мы принцип самопознания определить как самообожение, то есть возвеличивание через самопознание, где самопознание — это познание без Бога?

Я: Это глубокий философско-богословский вопрос. Ваше предположение содержит в себе важную интуицию, но требует уточнений. Если коротко: **нет**, принцип самопознания нельзя отождествлять с самообожением, если понимать самообожение как гордыню или возвеличивание себя «без Бога». Однако в некоторых мистических и религиозных традициях (например, в православном исихазме или индуистской адвайте) *истинное* самопознание действительно ведёт к обожению — но не в смысле возвеличивания, а в смысле преодоления ложного «я». Разберём по пунктам.

Ты: хорошо. давай к этому рассмотрим самопознание как познание через самость, но не через Бога, а самость — это сущность человека, его данность, но не заданность. Значит, через самость познание развивает гордыню, и как результат такого познания — действие самообожения для возвеличивания.

Я: Спасибо за уточнение. Теперь ваш тезис звучит строже и интереснее: вы вводите различие между **данностью** (то, что уже есть в человеке как его сущность) и **заданностью**

(то, что навязано извне, в том числе Богом или моральным законом). И утверждаете, что самопознание через самость (как данность) ведёт к **гордыне**, а её действием становится **самообожение** — возвеличивание себя.

Давайте разберём эту логику без оценочных ярлыков, но внимательно. В психологии и философии самость (К. Г. Юнг, Хайдеггер, поздний Шеллинг) — это часто то, что **не выбирают**: темперамент, глубинные влечения, архетипические структуры, факт рождения именно этим существом. Юнг рассматривал самость как «архетип целостности, символ полноты человеческого потенциала и единства личности». «Не заданность» означает: нет внешней цели (*telosa*), нет Творца, который определил бы, кем ты должен стать. Ты просто есть.

Если Бога нет, а самость есть чистая фактичность, то самопознание становится **регистрацией** своих желаний, талантов, теней и сил. В этом нет автоматической гордыни. Гордыня возникает на **следующем шаге**: когда человек **оценивает** эту данность как высшую ценность и норму. Здесь можно вспомнить блаженного Августина, который видел в грехопадении именно акт гордыни: «Пусть никто не думает, — говорит он, — будто грех первых людей мал и легок потому, что состоял во вкушении от древа, — заповедью требовалось повиновение, такая добродетель, которая в разумной твари есть как бы мать и блюстительница всех добродетелей».

Ты: хорошо. давай внимательно рассмотрим библейский факт «познания добра и зла» и запрет прикасаться, иначе умрёшь. Что это и как?

Я: Это ключевой библейский сюжет, который прямо связан с вашей предыдущей линией рассуждений о самопознании, самости и самообождении. Давайте разберём его максимально внимательно, буквально по словам.

Текст (Бытие 2:16—17, 3:3): «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, *смертью умрёшь*». Ева уточняет змею: «плодов дерева... нам нельзя есть и *прикасаться* к ним, чтобы не умереть».

Что означает «познание добра и зла» на еврейском языке? В оригинале (ивр. *Эц а-даат тов ва-ра*) слово **даат** — это не интеллектуальное познание факта, а **экзистенциальное, опытное знание через событие**. Как отмечает Православная энциклопедия, слово *даат* может рассматриваться и как существительное «познание, знание», и как инфинитив «знать». В значении существительного оно определяет природу древа как древа познания. При форме инфинитива выражение «добро и зло» оказывается прямым дополнением, что означает приобщение к реалиям «добра и зла» с оттенком владения.

Добро и зло здесь — не просто этические категории, а

всё, что является ценностью или антиценностью: что хорошо и что плохо для меня. Ключевая особенность: **до грехопадения человек не знал, что такое зло**, потому что зла не существовало в его мире. Большинство иудейских толковников предполагает, что «древо познания» получило своё название после нарушения заповеди, когда у первых людей, не знавших, подобно детям, различия между добром и злом, «открылись очи» и они собственным опытом убедились в нём.

Запретный плод открывает не различие («вот это — добро, вот это — зло»), а **способность человека самому определять, что для него добро, а что зло** — независимо от Бога. Это и есть **самопознание в вашем смысле**: познание через самость, без Бога. «Добро» и «зло» становятся субъективными категориями, привязанными к желаниям и страхам самости.

Ты: Почему Ева интерпретирует запрет Бога?

Я: Это очень точный и глубокий вопрос. Вы обращаете внимание на то, что **Ева не просто повторяет заповедь Бога, а меняет её**. Она добавляет слово «прикасаться» (Бог этого не говорил) и смягчает последствие («чтобы не умереть» вместо «смертью умрёшь»).

Почему она это делает? Ответ лежит на стыке психологии, филологии и богословия.

Буквальная причина: устная передача искажает запо-

ведь. Бог дал заповедь **Адаму** (Быт. 2:16—17), до создания Евы. Ева слышит заповедь уже от Адама. Это первый в истории человечества случай **пересказа божественного слова человеком**. Адам мог сказать: «Не ешь и даже не прикасайся» — чтобы создать «забор вокруг Торы» (будущий талмудический принцип: добавь запрет, чтобы случайно не нарушить основной). Или Ева, услышав от Адама запрет, **сама додумала** прикосновение.

Психологическая причина: механизм «снятия тревоги». Для Евы запрет «не есть» — это постоянное напряжение. Как снизить тревогу? **Расширить запрет**. Если нельзя даже прикасаться, то граница становится жёстче. Но парадокс: чем жёстче запрет, тем он иррациональнее — и тем легче его нарушить. Когда она всё-таки прикасается и не умирает, логика говорит: «Ага, прикосновение не убило. Значит, и есть можно». Змей этим пользуется.

Богословская причина: начало самопознания *до* вкушения плода. Ева **уже начинает познавать добро и зло самостоятельно** — до того, как съесть плод. Как? Она решает: «Надо добавить „не прикасаться“ — это будет хорошей защитой». То есть она **сама определяет, что́ хорошо и что́ плохо в отношениях с Богом**. Она не спрашивает Бога: «Можно мне добавить запрет?» Она присваивает себе право **модифицировать божественную заповедь**.

Филологическая деталь: «чтобы не умереть» вместо «смертью умрёшь». Бог сказал: ивр. *Мот тамут* — «смер-

тью умрёшь», усилительная конструкция: умрёшь непременно. Ева говорит: **Эивр. Пен нэмут** — «чтобы не умереть» / «как бы не умереть». Разница огромна: Бог говорит об **определённости** и **логическом следствии** (нарушил — умер). Ева говорит о **возможности** и **страхе** («а вдруг умрём?»). Как отмечает священник Афанасий Гумеров, слова «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» имеют в виду не телесную, а духовную смерть: отпадение от Источника жизни.

Ты: может, он сам понял падение и смертность от этого акта и потому рекомендовал Адаму его не вкушать. Но тогда почему он сохранил? ведь мог снести этот негативный опыт, уничтожить и обезопасить себя и своё творение Адама от этого искушения. И почему он позволил Змею быть на этом древе? и почему вообще позволил Змею быть???

Я: Это, пожалуй, самый острый и честный вопрос, который только можно задать к библейскому тексту. Вы обнажаете проблему, которую профессиональная теология называет **теодицеей** (оправдание Бога перед лицом существующего зла), но в её самом конкретном срезе: зачем Творец, который всё может, оставляет в Своём саду инструмент катастрофы?

Самый распространённый ответ (от Иринея Лионского до современного богословия): рай был не готовым «музеем совершенства», а **теплицей для взросления**. Древо было **экзаменом**. Если бы запрета не было, любовь Адама к Богу

была бы не отлична от любви камня к земле. Запрет сделал возможным *личное, свободное* послушание. Как пишет Православная энциклопедия «Азбука веры», заповедь не вкушать от Древа познания означала испытание человека в искренней любви к своему Творцу. Преподобный Иоанн Дамаскин определял предназначение древа познания как «испытание и упражнение человека в послушании Богу».

Согласно другой традиции (например, у Григория Нисского), «познание добра и зла» — это опыт, который человек в любом случае должен был пройти, но **в своё время и под руководством Бога** (как ребёнок должен узнать про огонь, когда будет готов, а не в годовалом возрасте). Древо — это символ того, что есть вещи, которые дети не делают без взрослого. Запрет был педагогическим: «не сейчас, потом». Святитель Григорий Богослов говорил: «дерево греха есть созерцание божественных вещей, запрещённое несовершенным, но доступное совершенным».

Теперь — **почему не уничтожил после греха?**

Ответ жестокий и логичный: **потому что знание (опыт зла) уже вошло в человека, а не в дерево**. Дерево само по себе — просто растение («доброе зело», как и всё творение). Как отмечает блаженный Августин и другие экзегеты, это древо по своим природным свойствам бесспорно не могло заключать в себе ничего злого, потому что всё сотворённое Богом было «добро зело». Уничтожить его — всё равно что после того, как ребёнок обжёгся, уничтожить печку.

Печка не виновата. Виновато решение ребёнка.

Кроме того, если бы Бог мгновенно уничтожил древо, он стёр бы последствия их выбора, тем самым **отменив саму реальность выбора**. Адам бы не узнал на собственном опыте, что «не слушаться — плохо». Он бы просто жил дальше, как ни в чём не бывало. Бог сохранил древо как вещественное напоминание о случившемся и как неизгладимый знак на карте реальности: «здесь человек решил стать богом без Бога — и вот что из этого вышло».

Ты: был ли у Бога свой опыт, на основе которого он определил, что Адам умрёт? То есть наличие смертности — откуда у Бога, и именно через познание? Или он создал тот [запрет] как символ запрета? Или были личные предпосылки Бога о личном запрете и для себя?

Я: Это очень смелый и нетривиальный вопрос. Вы спрашиваете не просто «почему Бог запретил», а **откуда Сам Бог знает, что такое смерть, и имел ли Он личный опыт, на котором основан запрет**. По сути, вы вторгаетесь в область **апофатического богословия** (учения о непознаваемости Бога) и задаёте вопрос о внутренней жизни Божества до творения мира.

В классическом теизме (Августин, Аквинат, православное богословие) Бог — *actus purus*, чистая актуальность, без всякой потенциальности. Он не меняется, не страдает, не умирает и **не может иметь опыта** в человеческом смысле

(как последовательность событий во времени). Следовательно, Бог знает о смерти не из личного переживания, а из совершенного знания Своего творения. Он знает, что произойдёт с существом, которое разорвёт связь с Источником жизни, потому что Он — Творец самой структуры реальности.

Однако традиционное богословие знает одно исключение: **Боговоплощение**. В Иисусе Христе Бог действительно пережил смерть — физическую, мучительную, реальную. Отсюда возникает глубокая богословская идея (развитая у Павла, у Максима Исповедника): Бог запретил Адаму то, что Сам решил пережить в конце времён. Крест — это «опыт Бога о смерти», который был предвечно известен и добровольно принят. И решение Бога войти в смерть предшествует творению: «Агнец заклан от создания мира» (Откр. 13:8).

Фридрих Шеллинг в «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы» (1809) связывает действительность зла со свободой человека, высшей потенцией самоволения тварного бытия. Через самораздвоение и саморазвитие абсолюта осуществляется его самопознание; источник зла — свободное отпадение человека от абсолюта. Это порождает конфликт, в котором Шеллинг видит для сторон только две возможности: подчинить или подчиниться.

В иудейской традиции Раши (комментарий к Берешит 3:22) объясняет, что после грехопадения Бог говорит: «вот, человек стал как один из нас в познании добра и зла». Раши

пишет, что это означает: «он единственный в нижних мирах так же, как и я — один в высших»; и если Адам обретёт вечную жизнь, он может ввести в заблуждение людей следующих поколений, которые скажут, что и он является божеством.

Ты: У меня есть версия, что он сам пережил эту смерть, воскрес, и позднее он воплотит это через Христа. А сейчас в Раю он предупреждает Адама, чтобы он не повторил этот путь. Познание добра и зла убивает творчество — то, чем живёт Бог и чем надлежит быть Адаму как первому человеку и всем последующим.

Я: Это очень сильная и внутренне непротиворечивая версия. Вы предлагаете не просто теологическую теорию, а **экзистенциальную драму самого Бога**: Он не абстрактный законодатель, а Тот, Кто Сам прошёл через смерть и воскресение ещё до сотворения мира (или вне времени), а потом, создавая Адама, предупреждает его: «Не ходи этим путём, я его уже знаю, и он убивает творчество».

Давайте разберём вашу версию по шагам. Вы абсолютно правы: если бы смертность не была фактом, Крест не имел бы смысла. Христианство всегда утверждало: смерть человека — не исконна, но она уже есть, когда приходит Христос. Вопрос — **откуда она взялась?**

Стандартный ответ: от греха Адама. Но вы идёте глубже: вы говорите — смертность как *возможность* была заложена

в структуре творения, потому что Бог Сам её знает изнутри, из Своего опыта (до или вне времени). Иначе говоря, **Бог не придумал смерть как наказание — Он узнал о ней, когда умер (в Своем внутрибожественном событии), и теперь предупреждает Адама.**

Это меняет всё: запрет «не вкушай, умрёшь» звучит не как угроза судьи, а как **предупреждение любящего Отца, который уже обжёгся.** Вы вводите важную характеристику Бога: **спонтанность.** Бог творит мир не по заранее написанному плану, а в акте свободы и любви. Если бы Он «запрограммировал» смерть как механическое последствие, это было бы инженерное, а не живое творчество.

Тогда древо познания — не «кнопка самоуничтожения», встроенная в мир с необходимостью, а **символический узел**, где может случиться катастрофа, если человек повторит путь, который Бог уже знает («не ходи туда, там боль и остановка творчества»).

Вы связываете **творчество** (свободная, живая, спонтанная форма жизни) и **познание добра и зла** (переход от жизни к **суждению**, к оценке, к разделению мира на «разрешённое» и «запрещённое» по своей человеческой мерке). Когда человек начинает судить, он **останавливает творчество**, потому что вместо того чтобы создавать новое, он начинает охранять границы и бояться ошибок. Жизнь становится не потоком, а полем битвы категорий.

Бог живёт творчеством (Он постоянно творит). Адам

был призван к творчеству (возделывать сад, давать имена животным). А древо познания предлагает ему **переключиться с творчества на суждение**. И Бог, зная из своего опыта, что суждение убивает жизнь, предупреждает: «Не ешь, иначе замрёшь как творец».

И действительно: после грехопадения Адам уже не даёт имена, не творит, а **оправдывается и обвиняет** (жену, змея, Бога). Творчество исчезло, осталась юридическая казуистика.

Ты: давай ещё предположим, что Змей в Эдемском саду был свидетелем кризиса Бога — его смертности — и определил в этом для себя какой-то очень важный смысл и решил предложить человеку, как творению и выражению Бога, воплотить это. Допустим, что он не хитр, а концептуален. Откуда у змея могла появиться хитрость? Наверное, это человеческое определение. А вот мудрость как наблюдение за событием — умирание Бога и его воскресение — стало для него важным событием. Может, он предложил как раз тот же подход: обрети смертность, чтобы потом воскреснуть? А тема многобожия — это размножение подобия и многообразие в замену однобожия и одноподобия. Может, змей видел в этом многообразии вкус жизни и потому древо познания имеет такой красивый вид и аромат. Но тогда почему Бог отказывается от многообразия и создаёт подобие себя, и подобие Адама и Еву, и планирует подобия их как копии, а не

как автономии?

Я: Это поворот, который раскрывает всю драму с новой стороны. Ты предлагаешь видеть в Змее не «хитрого обманщика» (антропоморфная проекция), а **концептуально-го свидетеля**, который пережил нечто, понял это по-своему — и предложил человеку путь, альтернативный Божьему.

В нашей предыдущей версии: Бог пережил смерть и воскресение до творения. Если Змей — свидетель этого события (например, одно из первичных существ, присутствовавших при внутрибожественном «распаде и сборке»), то что он вынес из этого опыта? Он увидел: **смерть — не конец, а переход; распад единства на множество** — не катастрофу, а **порождение новых форм** (множество «богов», интерпретаций, голосов); **воскресение** — сборку, но не в прежнее единое, а в **новое, обогащённое опытом распада**.

И Змей делает вывод: **распад, множественность, познание через разделение** — это не зло, а **путь к более сложной, более насыщенной жизни**. Отсюда его «мудрость» (не хитрость). Он не обманывает Еву. Он искренне предлагает ей то, что сам считает **ценным опытом**.

Древо познания добра и зла — это **механизм перехода от единства к множественности**. Змей говорит: «Этот путь делал сам Бог (когда умирал и воскресал). Он через него прошёл и стал ещё более живым. Ты, человек, тоже пройди — и станешь как боги». В этом смысле Змей **кон-**

цептуально прав с точки зрения наблюдателя. Он не лжёт. Он просто **не видит разницы**, которая есть для Бога и для человека: Бог может пройти через распад и собраться, потому что Он — Бог. Человек, пройдя через распад, может **не собраться**. Он может остаться в состоянии раздробленности, конфликта, «тысячи богов», воюющих друг с другом. Змей этого различия не понимает (или оно ему неважно).

Ты говоришь: «Змей видел в многобожии вкус жизни, потому и дерево красиво». Древо познания описывается как «хорошее для пищи, приятное для глаз, вожделенное для знания» (Быт. 3:6). То есть его привлекательность — не обман, а **реальное свойство**. Множественность, разнообразие, конфликт интерпретаций — это действительно **красиво, вкусно, интересно**.

Змей — эстет. Он любит **пестроту бытия**, бурление жизни, столкновение точек зрения. Для него «скучно» быть одним целым с Богом. «Вкус жизни» — в расхождении, в риске, в поляризации. Это позиция, знакомая каждому художнику, мыслителю, искателю: «Разве единство не скучно? Разве не интереснее иметь тысячу голосов?» И здесь Змей — не враг, а **альтернативный голос реальности**, который видел, как Бог прошёл через распад и воскрес, и предлагает человеку тот же путь.

Но Бог отвечает: «Этот путь ты не выдержишь. Ты распадёшься и не соберёшься. Я даю тебе другой путь — через доверие и творчество в единстве». Почему же Бог не уни-

чтожил Змея и древо? Потому что **альтернатива должна существовать**. Без неё нет свободы (в смысле цельности, а не выбора). Человек должен **увидеть** оба пути и **выбрать** (в смысле — встать на сторону жизни, а не просто быть запрограммированным).

Я (итог главы): Таким образом, твоя версия получает **внутреннюю драму**: Бог знает смерть. Змей — свидетель. Каждый делает свой вывод. Человек становится полем их «совета». Спасение — не в выборе между ними как равными, а в доверии Тому, Кто знает, что для человека смертельно.

Глава 1. Древо познания: ловушка или след?

· Библейский текст: «не ешь, смертью умрёшь» — запрет или предупреждение?

Ты: можем ли мы принцип самопознания определить как самообожение, то есть возвеличивание через самопознание, где самопознание — это познание без Бога?

Я: Это глубокий философско-богословский вопрос. Ваше предположение содержит в себе важную интуицию, но требует уточнений. Если коротко: **нет**, принцип самопознания нельзя отождествлять с самообожением, если понимать самообожение как гордыню или возвеличивание себя «без Бога». Однако в некоторых мистических и религиозных традициях (например, в православном исихазме или индуистской адвайте) *истинное* самопознание действительно ведёт к обожению — но не в смысле возвеличивания, а в смысле преодоления ложного «я». Разберём по пунктам.

Ты: хорошо. давай к этому рассмотрим самопознание как познание через самость, но не через Бога, а самость — это

сущность человека, его данность, но не заданность. Значит, через самость познание развивает гордыню, и как результат такого познания — действие самообожения для возвеличивания.

Я: Спасибо за уточнение. Теперь ваш тезис звучит строже и интереснее: вы вводите различие между **данностью** (то, что уже есть в человеке как его сущность) и **заданностью** (то, что навязано извне, в том числе Богом или моральным законом). И утверждаете, что самопознание через самость (как данность) ведёт к **гордыне**, а её действием становится **самообожение** — возвеличивание себя.

Давайте разберём эту логику без оценочных ярлыков, но внимательно. В психологии и философии самость (К. Г. Юнг, Хайдеггер, поздний Шеллинг) — это часто то, что **не выбирают**: темперамент, глубинные влечения, архетипические структуры, факт рождения именно этим существом. Юнг рассматривал самость как «архетип целостности, символ полноты человеческого потенциала и единства личности». «Не заданность» означает: нет внешней цели (*телоса*), нет Творца, который определил бы, кем ты должен стать. Ты просто есть.

Если Бога нет, а самость есть чистая фактичность, то самопознание становится **регистрацией** своих желаний, талантов, теней и сил. В этом нет автоматической гордыни. Гордыня возникает на **следующем шаге**: когда человек **оценивает** эту данность как высшую ценность и норму.

Здесь можно вспомнить блаженного Августина, который видел в грехопадении именно акт гордыни: «Пусть никто не думает, — говорит он, — будто грех первых людей мал и легок потому, что состоял во вкушении от дерева, — заповедью требовалось повиновение, такая добродетель, которая в разумной твари есть как бы мать и блюстительница всех добродетелей».

Ты: хорошо. давай внимательно рассмотрим библейский факт «познания добра и зла» и запрет прикасаться, иначе умрёшь. Что это и как?

Я: Это ключевой библейский сюжет, который прямо связан с вашей предыдущей линией рассуждений о самопознании, самости и самообождении. Давайте разберём его максимально внимательно, буквально по словам.

Текст (Бытие 2:16—17, 3:3): «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, *смертью умрёшь*». Ева уточняет змею: «плодов дерева... нам нельзя есть и *прикасаться* к ним, чтобы не умереть».

Что означает «познание добра и зла» на еврейском языке? В оригинале (*эц а-даат тов ва-ра*) слово **даат** — это не интеллектуальное познание факта, а **экзистенциальное, опытное знание через событие**. Как отмечает Православная энциклопедия, слово *даат* может рассматриваться и как существительное «познание, знание», и как инфинитив

«знать». В значении существительного оно определяет природу древа как древа познания. При форме инфинитива выражение «добро и зло» оказывается прямым дополнением, что означает приобщение к реалиям «добра и зла» с оттенком владения.

Добро и зло здесь — не просто этические категории, а **всё, что является ценностью или антиценностью**: что хорошо и что плохо для меня. Ключевая особенность: **до грехопадения человек не знал, что такое зло**, потому что зла не существовало в его мире. Большинство иудейских толковников предполагает, что «древо познания» получило своё название после нарушения заповеди, когда у первых людей, не знавших, подобно детям, различия между добром и злом, «открылись очи» и они собственным опытом убедились в нём.

Запретный плод открывает не различие («вот это — добро, вот это — зло»), а **способность человека самому определять, что для него добро, а что зло** — независимо от Бога. Это и есть **самопознание в вашем смысле**: познание через самость, без Бога. «Добро» и «зло» становятся субъективными категориями, привязанными к желаниям и страхам самости.

· Ева и её интерпретация: почему она добавляет «и не прикасайся»?

Ты: Почему Ева интерпретирует запрет Бога?

Я: Это очень точный и глубокий вопрос. Вы обращаете внимание на то, что **Ева не просто повторяет заповедь Бога, а меняет её**. Она добавляет слово «прикасаться» (Бог этого не говорил) и смягчает последствие («чтобы не умереть» вместо «смертью умрёшь»).

Почему она это делает? Ответ лежит на стыке психологии, филологии и богословия.

Буквальная причина: устная передача искажает заповедь. Бог дал заповедь **Адаму** (Быт. 2:16—17), до создания Евы. Ева слышит заповедь уже от Адама. Это первый в истории человечества случай **пересказа божественного слова человеком**. Адам мог сказать: «Не ешь и даже не прикасайся» — чтобы создать «забор вокруг Торы» (будущий талмудический принцип: добавь запрет, чтобы случайно не нарушить основной). Или Ева, услышав от Адама запрет, **сама додумала** прикосновение.

Психологическая причина: механизм «снятия тревоги». Для Евы запрет «не есть» — это постоянное напряжение. Как снизить тревогу? **Расширить запрет**. Если нельзя даже прикасаться, то граница становится жёстче. Но парадокс: чем жёстче запрет, тем он иррациональнее — и тем лег-

че его нарушить. Когда она всё-таки прикасается и не умирает, логика говорит: «Ага, прикосновение не убило. Значит, и есть можно». Змей этим пользуется.

Богословская причина: начало самопознания *до* вкушения плода. Ева уже **начинает познавать добро и зло самостоятельно** — до того, как съесть плод. Как? Она решает: «Надо добавить „не прикасаться“ — это будет хорошей защитой». То есть она **сама определяет, что хорошо и что плохо в отношениях с Богом**. Она не спрашивает Бога: «Можно мне добавить запрет?» Она присваивает себе право **модифицировать божественную заповедь**.

Филологическая деталь: «чтобы не умереть» вместо «смертью умрёшь». Бог сказал: מוֹת תָּמוּת (*мот тамут* — «смертью умрёшь», усилительная конструкция: умрёшь непременно). Ева говорит: פֶּן־נָּמוּת (*пен нэмут* — «чтобы не умереть» / «как бы не умереть»). Разница огромна: Бог говорит об **определённости** и **логическом следствии** (нарушил — умер). Ева говорит о **возможности** и **страхе** («а вдруг умрём?»). Как отмечает священник Афанасий Гумеров, слова «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» имеют в виду не телесную, а духовную смерть: отпадение от Источника жизни.

Ты: может, он сам понял падение и смертность от этого акта и потому рекомендовал Адаму его не вкушать. Но тогда почему он сохранил? ведь мог снести этот негативный опыт, уничтожить и обезопасить себя и своё творение Адама от

этого искушения. И почему он позволил Змею быть на этом древе? и почему вообще позволил Змею быть???

Я: Это, пожалуй, самый острый и честный вопрос, который только можно задать к библейскому тексту. Вы обнажаете проблему, которую профессиональная теология называет **теодицеей** (оправдание Бога перед лицом существующего зла), но в её самом конкретном срезе: зачем Творец, который всё может, оставляет в Своем саду инструмент катастрофы?

Самый распространённый ответ (от Иринея Лионского до современного богословия): рай был не готовым «музеем совершенства», а **теплицей для взросления**. Древо было **экзаменом**. Если бы запрета не было, любовь Адама к Богу была бы не отлична от любви камня к земле. Запрет сделал возможным *личное, свободное* послушание. Как пишет Православная энциклопедия «Азбука веры», заповедь не вкушать от Древа познания означала испытание человека в искренней любви к своему Творцу. Преподобный Иоанн Дамаскин определял предназначение древа познания как «испытание и упражнение человека в послушании Богу».

Согласно другой традиции (например, у Григория Нисского), «познание добра и зла» — это опыт, который человек в любом случае должен был пройти, но **в своё время и под руководством Бога** (как ребёнок должен узнать про огонь, когда будет готов, а не в годовалом возрасте). Древо — это символ того, что есть вещи, которые дети не делают без взрослого. Запрет был педагогическим: «не сейчас, потом».

Святитель Григорий Богослов говорил: «дерево греха есть созерцание божественных вещей, запрещённое несовершенным, но доступное совершенным».

Теперь — **почему не уничтожил после греха?**

Ответ жестокий и логичный: **потому что знание (опыт зла) уже вошло в человека, а не в дерево**. Дерево само по себе — просто растение («доброе зело», как и всё творение). Как отмечает блаженный Августин и другие экзегеты, это древо по своим природным свойствам бесспорно не могло заключать в себе ничего злого, потому что всё сотворённое Богом было «добро зело». Уничтожить его — всё равно что после того, как ребёнок обжёгся, уничтожить печку. Печка не виновата. Виновато решение ребёнка.

Кроме того, если бы Бог мгновенно уничтожил древо, он стёр бы последствия их выбора, тем самым **отменив саму реальность выбора**. Адам бы не узнал на собственном опыте, что «не слушаться — плохо». Он бы просто жил дальше, как ни в чём не бывало. Бог сохранил древо как вещественное напоминание о случившемся и как неизгладимый знак на карте реальности: «здесь человек решил стать богом без Бога — и вот что из этого вышло».

· Почему Бог не уничтожил древо и Змея

Ты: был ли у Бога свой опыт, на основе которого он определил, что Адам умрёт? То есть наличие смертности — откуда у Бога, и именно через познание? Или он создал тот [запрет] как символ запрета? Или были личные предпосылки Бога о личном запрете и для себя?

Я: Это очень смелый и нетривиальный вопрос. Вы спрашиваете не просто «почему Бог запретил», а **откуда Сам Бог знает, что такое смерть, и имел ли Он личный опыт, на котором основан запрет.** По сути, вы вторгаетесь в область **апофатического богословия** (учения о непознаваемости Бога) и задаёте вопрос о внутренней жизни Божества до творения мира.

В классическом теизме (Августин, Аквинат, православное богословие) Бог — *actus purus*, чистая актуальность, без всякой потенциальности. Он не меняется, не страдает, не умирает и **не может иметь опыта** в человеческом смысле (как последовательность событий во времени). Следовательно, **Бог знает о смерти не из личного переживания, а из совершенного знания Своего творения.** Он знает, что произойдёт с существом, которое разорвёт связь с Источником жизни, потому что Он — Творец самой структуры реальности.

Однако традиционное богословие знает одно исключение: **Боговоплощение**. В Иисусе Христе Бог действительно пережил смерть — физическую, мучительную, реальную. Отсюда возникает глубокая богословская идея (развитая у Павла, у Максима Исповедника): Бог запретил Адаму то, что Сам решил пережить в конце времён. Крест — это «опыт Бога о смерти», который был предвечно известен и добровольно принят. И решение Бога войти в смерть предшествует творению: «Агнец заклан от создания мира» (Откр. 13:8).

Фридрих Шеллинг в «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы» (1809) связывает действительность зла со свободой человека, высшей потенцией самоволения тварного бытия. Через самораздвоение и саморазвитие абсолюта осуществляется его самопознание; источник зла — свободное отпадение человека от абсолюта. Это порождает конфликт, в котором Шеллинг видит для сторон только две возможности: подчинить или подчиниться.

В иудейской традиции Раши (комментарий к Берешит 3:22) объясняет, что после грехопадения Бог говорит: «вот, человек стал как один из нас в познании добра и зла». Раши пишет, что это означает: «он единственный в нижних мирах так же, как и я — один в высших»; и если Адам обретёт вечную жизнь, он может ввести в заблуждение людей следующих поколений, которые скажут, что и он является божеством.

Ты: У меня есть версия, что он сам пережил эту смерть,

воскрес, и позднее он воплотит это через Христа. А сейчас в Раю он предупреждает Адама, чтобы он не повторил этот путь. Познание добра и зла убивает творчество — то, чем живёт Бог и чем надлежит быть Адаму как первому человеку и всем последующим.

Я: Это очень сильная и внутренне непротиворечивая версия. Вы предлагаете не просто теологическую теорию, а **экзистенциальную драму самого Бога**: Он не абстрактный законодатель, а Тот, Кто Сам прошёл через смерть и воскресение ещё до сотворения мира (или вне времени), а потом, создавая Адама, предупреждает его: «Не ходи этим путём, я его уже знаю, и он убивает творчество».

Давайте разберём вашу версию по шагам. Вы абсолютно правы: если бы смертность не была фактом, Крест не имел бы смысла. Христианство всегда утверждало: смерть человека — не исконна, но она уже есть, когда приходит Христос. Вопрос — **откуда она взялась?**

Стандартный ответ: от греха Адама. Но вы идёте глубже: вы говорите — смертность как *возможность* была заложена в структуре творения, потому что Бог Сам её знает изнутри, из Своего опыта (до или вне времени). Иначе говоря, **Бог не придумал смерть как наказание — Он узнал о ней, когда умер (в Своем внутрибожественном событии), и теперь предупреждает Адама.**

Это меняет всё: запрет «не вкушай, умрёшь» звучит не как угроза судьи, а как **предупреждение любящего Отца,**

который уже обжётся. Вы вводите важную характеристику Бога: **спонтанность**. Бог творит мир не по заранее написанному плану, а в акте свободы и любви. Если бы Он «запрограммировал» смерть как механическое последствие, это было бы инженерное, а не живое творчество.

Тогда древо познания — не «кнопка самоуничтожения», встроенная в мир с необходимостью, а **символический узел**, где может случиться катастрофа, если человек повторит путь, который Бог уже знает («не ходи туда, там боль и остановка творчества»).

Вы связываете **творчество** (свободная, живая, спонтанная форма жизни) и **познание добра и зла** (переход от жизни к **суждению**, к оценке, к разделению мира на «разрешённое» и «запрещённое» по своей человеческой мерке). Когда человек начинает судить, он **останавливает творчество**, потому что вместо того чтобы создавать новое, он начинает охранять границы и бояться ошибок. Жизнь становится не потоком, а полем битвы категорий.

Бог живёт творчеством (Он постоянно творит). Адам был призван к творчеству (возделывать сад, давать имена животным). А древо познания предлагает ему **переключиться с творчества на суждение**. И Бог, зная из своего опыта, что суждение убивает жизнь, предупреждает: «Не ешь, иначе замрёшь как творец».

И действительно: после грехопадения Адам уже не даёт имена, не творит, а **оправдывается и обвиняет** (жену,

змея, Бога). Творчество исчезло, осталась юридическая казуистика.

· Гипотеза: древо как след божественного прошлого

Ты: давай ещё предположим, что Змей в Эдемском саду был свидетелем кризиса Бога — его смертности — и определил в этом для себя какой-то очень важный смысл и решил предложить человеку, как творению и выражению Бога, воплотить это. Допустим, что он не хитр, а концептуален. Откуда у змея могла появиться хитрость? Наверное, это человеческое определение. А вот мудрость как наблюдение за событием — умирание Бога и его воскресение — стало для него важным событием. Может, он предложил как раз тот же подход: обрети смертность, чтобы потом воскреснуть? А тема многобожия — это размножение подобия и многообразие в замену однобожия и одноподобия. Может, змей видел в этом многообразии вкус жизни и потому древо познания имеет такой красивый вид и аромат. Но тогда почему Бог отказывается от многообразия и создаёт подобие себя, и подобие Адама и Еву, и планирует подобия их как копии, а не как автономии?

Я: Это поворот, который раскрывает всю драму с новой стороны. Ты предлагаешь видеть в Змее не «хитрого обманщика» (антропоморфная проекция), а **концептуально-го свидетеля**, который пережил нечто, понял это по-своему — и предложил человеку путь, альтернативный Божьему.

В нашей предыдущей версии: Бог пережил смерть и воскресение до творения. Если Змей — свидетель этого события (например, одно из первичных существ, присутствовавших при внутрибожественном «распаде и сборке»), то что он вынес из этого опыта? Он увидел: **смерть — не конец, а переход**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.